

Ральф, мне так плохо без тебя...

Пролог. Перемены

Проснувшись, Тинталья почувствовала себя замерзшей и старой. Она нашла хорошую добычу и сытно поела, однако все равно толком не отдохнула. Из-за гноящейся раны под левым крылом ей трудно было найти удобное положение. Если драконица распрямлялась, то распухший участок плоти пульсировал жаром и болью, а если сворачивалась в клубок, то ощущала острый укол стрелы, застрявшей глубоко в теле. Теперь стоило ей только расправить крыло, и боль распространялась по нему, словно жгучее растение, которое жадно прорастало внутри и кололо Тинталью острыми шипами. По мере приближения к Дождевым чащобам становилось все холоднее. В этих местах не было ни пустынь, ни горячих песков. Калсидийские пустыни просто источали жар земных недр, поэтому сейчас там было почти так же тепло, как и в южных краях. Но Тинталья уже оставила сухие земли позади, и здесь цепляющаяся за весну зима давала о себе знать. От морозного воздуха кожа вокруг ее раны костенела, превращая каждое утро в пытку.

Айсфир не полетел вместе с ней. Тинталья рассчитывала на то, что древний черный дракон будет сопровождать подругу, хотя сейчас и не могла вспомнить, почему ей так казалось. Драконы всегда предпочитали жить в одиночку, а не группами. Чтобы хорошо питаться, каждому требовались обширные охотничьи угодья. А теперь, когда она оставила Айсфира, а он за нею не последовал, лазурную королеву окатило унижительное понимание: черный самец не слишком-то и дорожил Тинтальей! Впрочем, он никогда ничего ей не предлагал. Правда, и не просил удалиться.

Айсфир получил от нее все, что ему было нужно. В первые дни ликования, вызванного встречей, они совокупились. Когда придет срок, Тинталья отправится на берег гнездовий и отложит там яйца, которые он уже оплодотворил. Однако, после того как черный

дракон оставил в ней свое семя, у него пропала причина проводить время с подругой. Но из яиц Тинтальи выведутся змеи, которые сползут в море, и возобновится нескончаемый цикл: «дракон – яйцо – змей – кокон – дракон», а воспоминания древнего рода сохранятся и продолжатся. Позже Айсфир сможет встретить других драконов – когда пожелает искать их общества. Тинталья даже удивлялась тому, что задержалась подле него так долго. Неужели, выйдя из кокона в одиночестве и проведя столько замурованной под землей, она переняла у людей такое неподобающее дракону поведение?

Синяя драконица медленно распрямилась и еще более осторожно расправила крылья навстречу хмурому утру. Она потянулась, отчаянно тоскуя по теплomu песку, и постаралась не думать о том, что полет в Трехог может оказаться ей не по силам. Не слишком ли долго она выжидала, надеясь, что выздоровеет без посторонней помощи?

Тинталье было больно выгибать шею, и она не смогла толком осмотреть себя со всех сторон. От кожи мерзко пахло, при любом движении из раны сочился гной. Драконица зашипела, разозлилась и использовала силу своего гнева для того, чтобы напрячь мышцы. Благодаря этому из раны вытекла новая порция мутной жидкости. Теперь вонь стала нестерпимой, но зато кожу хотя бы перестало тянуть. Она сможет лететь. Да, это будет больно и медленно, но Тинталья справится. А вечером она выберет место для ночлега. И будет очень внимательна. Только бы подняться с берега реки, куда ее занесло! Тинталья хотела направиться напрямик в Трехог в надежде быстро отыскать там Малту и Рэйна, которых превратила в людей Старшей расы – или, как их называли на севере, Элдерлингов, чтобы они лучше служили ей. Кто-нибудь из них вытащит стрелу из ее измученного чешуйчатого тела. Однако между ней и Трехогом простирался густой лес, а значит, полететь напрямик не получится. Даже здоровому дракону тяжело приземляться в чащобе, а уж с больным крылом она наверняка рухнет сквозь кроны на землю. И Тинталья выбрала путь вдоль берега моря, а затем вверх по реке Дождевых чащоб. Она охотилась на заболоченных участках и

илистых отмелях: мелкие зверьки часто лакомились здесь кореньями и нежились в грязи, лесные обитатели покрупнее приходили на водопой. Если Тинталье повезет так же, как и прошлым вечером, она удачно приземлится на болотистую прибрежную полосу, а заодно и поймает какую-нибудь крупную добычу.

Ну а в случае неудачи – Тинталья опасалась, что сегодня, к сожалению, именно это ее и ждет – она всегда сможет отдохнуть на речной отмели. Конечно, мало радости лежать на холодной и мокрой почве, но это можно как-нибудь пережить. Гораздо больше драконицу пугала необходимость каждое утро снова взлетать. А ведь она очень ослабела!

Тинталья уныло поплелась к реке и принялась пить, недовольно морща ноздри: вода была горькой и невкусной. Утолив жажду, драконица распахнула крылья, рванулась в небо и... беспорядочно захлопав крыльями, рухнула обратно. Высота была небольшой, но падение оказалось болезненным. Острые куски камней буквально впились в ее измученное тело. Удар выбил воздух из легких, и из глотки вырвался хриплый крик: драконица сильно ушиблась о землю. Ошеломленная Тинталья лежала, дожидаясь, когда боль отступит. Она не прошла полностью, но постепенно ослабела до терпимого уровня.

Тинталья прижала голову к груди, подобрала лапы и сложила крылья. Ей хотелось отдохнуть, поспать. Но тогда она проснется еще более голодной и заоченевшей, чем сейчас, а свет начнет меркнуть. Нет. Надо лететь – и немедленно. Если она задержится, то совсем лишится сил. Надо попробовать, пока она еще способна передвигаться.

Драконица сжалась и приготовилась к новому падению, не позволяя себе расслабиться. Надо просто терпеть и лететь так, словно она ничего не чувствует. Она внушила себе эту мысль, отчаянно напряглась и ринулась вверх.

Каждый взмах крыльев ощущался ударом огненного копья. Тинталья яростно взревела, но не замедлила движений. Вскоре она

набрала высоту, начала парить над мелководьем и наконец поднялась выше деревьев, затенявших берега. Бледное солнце коснулось ее шкуры; ветер, дувший на открытом пространстве, порывисто бил ее по глазам. Тучи набухли и отяжелели, предрекая затяжной холодный дождь. Пусть будет ливень, ей все равно! Тинталья возвращается домой.

*Пятнадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Рейала, исполняющего обязанности
смотрителя голубятни в Удачном, – Эреку Данварроу
Вложено в обычную почтовую капсулу*

Дорогой дядюшка!

Я задержался с ответом на твое письмо, потому что оно слишком глубоко потрясло меня. Я перечитывал его снова и снова, гадая, готов ли я к такому ценному подарку – и достоин ли принять твое предложение. Мало того что ты даешь мне рекомендацию, чтобы я смог стать полноправным членом гильдии, так ты еще и препоручаешь мне своих личных птиц и голубятню... Это такая честь для меня, что я не могу подобрать слов. Зная, как важны для тебя эти голуби, я внимательно изучил все твои записи и методы, с помощью которых ты улучшал породу, делая птиц более быстрыми и выносливыми. Я просто потрясен твоим талантом. И теперь ты решил передать мне всю стаю, сделав меня смотрителем голубятни?

Мне больно думать, что ты неправильно меня поймешь, но я должен еще раз спросить: ты уверен, что действительно этого хочешь?

И заверяю тебя: если ты вдруг передумаешь, я не затаю обиды. Но если, поразмыслив, ты все же захочешь предоставить мне столь удивительный шанс, то, разумеется, я им воспользуюсь и всю жизнь посвящу тому, чтобы достойно продолжать твое дело! Зная, что ты порекомендовал меня на такую почетную и ответственную

должность, я буду стараться оправдать твои ожидания. Обещаю, что в таком случае приложу все силы, буду достойным зрителем голубятни и не разочарую тебя.

С глубочайшей благодарностью,

твой племянник Рейал

P. S. И пожалуйста, передай тетушке Детози мои поздравления по поводу удачного замужества. Я искренне рад за нее и желаю вам обоим всего самого наилучшего.

Глава 1. Жизнь кончена

Элис открыла глаза навстречу постылому утру. Крайне неохотно она подняла голову и осмотрела единственную комнату своего скромного жилища. В хижине царил холод. Огонь догорел еще несколько часов назад, и сырость непривычно суровой весны безжалостно вползла в дом. Элис съежилась под стареньким одеялом, ожидая, чтобы ее жизнь исчезла. Напрасные надежды: жизнь с новой силой набросилась на нее, чтобы начать мучить и изводить тоскливыми мыслями и одиночеством. Тогда Элис прижала тонкое одеяло к груди – и ее взгляд упал на аккуратно сложенные бумаги и пергаменты, которыми она занималась последнюю неделю. Вот оно! Дело всей жизни Элис Финбок умещается в одной стопке. Переводы древних текстов, снабженные ее примечаниями; копии старинных документов, тщательно выполненные черными чернилами (красные Элис использовала для своих догадок относительно стершихся слов). Поскольку ее собственная жизнь оказалась лишена какой-либо значимой цели, Элис сбежала из настоящего в прошлое, стала исследовательницей и испытывала гордость, чувствуя себя настоящим ученым. Она немало знала о древнем укладе жизни Старших и о том, как они общались с драконами. Она выучила все имена Старших и драконов и хорошо разбиралась в их обычаях. Она собрала великое множество свидетельств о прошлом, однако теперь это уже не имеет никакого значения!

Старшие и драконы вернулись в современный мир. Она сама была свидетельницей этого чуда. Теперь они заявят свои права на древний город Кельсингру и поселятся в его стенах. Все тайны, которые она пыталась вызнать, изучая древние свитки и заплесневелые гобелены, рассыплются в прах. Как только Старшие обретут свой город, им достаточно будет лишь коснуться камней памяти, чтобы самим узнать

все об истории собственного народа. Все тайны, которые Элис мечтала открыть, все загадки, которые стремилась разгадать, теперь лежат перед ними как на ладони. А в ее работе нет никакого смысла.

С несвойственной ей прытью Элис резко откинула одеяло и встала. Холод тут же заключил молодую женщину в цепкие объятия. Она шагнула к роскошным дорожным сундукам с одеждой, которые бережно упаковала перед отплытием из Удачного. В начале ее путешествия они были набиты доверху: полны практичной одежды, подходящей для знатной дамы, ищущей приключений. Хлопковые блузки с минимальным количеством кружева, юбки-брюки для пеших походов, шляпы с вуалями для защиты от насекомых и солнца, прочные кожаные башмаки... Сейчас от всего этого изобилия остались лишь одни воспоминания. После трудного путешествия ткани истерлись, а ботинки стали протекать. Шнурки бугрились узлами. Стирать одежду можно было только в едкой речной воде, поэтому швы уже расползлись, а подошвы истрепались.

Элис вытащила поношенное тряпье и равнодушно взирала на него. Все равно никто не станет на нее смотреть. Она давно решила не беспокоиться о том, как выглядит. И пусть другие думают о ней что угодно!

Платье Старших, подарок Лефтрина, висело на крючке. Удивительно, но наряд сохранил свои яркие краски и упругую мягкость. Элис захотелось ощутить его тепло, однако она не смогла пересилить себя и надеть платье. Накануне Рапскаль все подробно ей объяснил. Она – не Старшая, а потому не имеет прав на Кельсингру. Она вообще не имеет никаких прав на то, что когда-либо принадлежало Старшим.

Горечь, обида и смиренное признание правды, высказанной Рапскалем, тяжело давили на нее, а в горле стоял жесткий ком. Элис сверлила взглядом магическое одеяние до тех пор, пока его краски не смазались из-за выступивших на глазах слез. Тогда она вспомнила о том, кто подарил ей чудесное платье, и от этого расстроилась еще сильнее. Лефтрин, капитан живого корабля по имени Смоляной. Они

искренне полюбили друг друга во время трудного плавания по реке, несмотря на то что принадлежали к разным слоям общества. Элис впервые столкнулась с мужчиной, который восхищался ее умом, уважал ее труды и воцделел ее тело. Лефтрин разжег в ней ответное чувство и пробудил желания, о каких она прежде и не подозревала. Рядом с ним Элис наконец-то почувствовала себя женщиной и испытала радость от физической близости, чего никогда не случилось за все годы брака с Гестом Финбоком.

А потом Лефтрин оставил ее здесь – одну, в этой примитивной, лишенной элементарных удобств хижине...

«А ну-ка хватит! Немедленно прекрати ныть!» – велела себе Элис и вновь устремила взгляд на платье Старших, вспоминая волшебный момент, когда возлюбленный сделал ей этот подарок. Капитан преподнес ей бесценный артефакт, фамильную гордость их семьи. Он отдал его Элис без малейших колебаний. И она носила этот наряд, как доспехи, защищавшие ее от холода, ветра и даже от одиночества. Она никогда не задумывалась о его исторической ценности. И как только Элис посмела упрекнуть хранителей за то, что они тоже пожелали иметь столь же теплую и надежную одежду, как ее бесценный артефакт? «Лицемерка! Сама-то ты без зазрения совести наслаждалась необычайным комфортом, который дарует платье Старших!» – упрекнула себя Элис.

А чем виноват Лефтрин? С какой стати она упрекает его за то, что он покинул ее? Разве капитан мог поступить иначе?

Лефтрин был вынужден вернуться в Кассарик, чтобы закупить для них припасы. И он вовсе даже не бросил Элис: она сама решила остаться здесь, полагая, что сможет описать и задокументировать все то, что увидела в нетронутом городе Старших. Вот что самое важное: Элис сделала свой выбор, а Лефтрин отнесся к ее решению с уважением. А теперь она упрекает его? Ну не глупо ли? Главное, что он ее любит! Разве этого недостаточно?

Мгновение Элис балансировала на грани, уже готовая смириться и принять расхожую истину: если у женщины есть верный и любящий

мужчина, то ей больше ничего в жизни не нужно. Но потом встряхнула головой и решительно стиснула зубы, словно готовясь сорвать повязку с не зажившей до конца раны.

Нет. Ей этого недостаточно.

Пора покончить с притворством и жалким прозябанием. Хватит уже убеждать себя, что, когда Лефтрин вернется и скажет, что любит ее, все будет хорошо. Да, если уж на то пошло, достойна ли Элис его любви? Чего стоит женщина, которая цепляется за надежду, что возвращение партнера придаст смысл ее существованию? Разве при этом она не уподобляется беспомощному паразиту, который всецело зависит от кого-то другого?

Листы бумаги и свитки пергамента аккуратными стопками лежали там, где Элис оставила их, – подле очага. Накануне она хотела уничтожить все свои научные изыскания. Но порыв сжечь рисунки и записи уже прошел. То был момент полного отчаяния – вязкая черная яма, настолько глубокая, что прошлой ночью у Элис даже не хватило сил швырнуть документы в огонь.

В холодном свете утра все выглядело иначе, и Элис поняла, что это было проявлением ребяческого тщеславия, детской истерикой. «Только посмотрите, на что вы меня толкнули!» Что ей сделали Рапскаль и другие хранители? Всего лишь заставили увидеть истинное положение вещей. И что бы она доказала им, совершив подобный поступок? Ну не глупо ли? Да, все верно, она хотела просто пристыдить их. По губам Элис пробежала мимолетная дрожь, а потом они сложились в язвительную улыбку. Соблазн был по-прежнему силен: заставить бы их всех ощутить такую же боль, какую испытывает она сама. Однако хранители наверняка ничего не почувствуют. Они даже не поймут, что именно Элис уничтожила. Кроме того, придется стучаться в чужую дверь и просить у кого-то из соседей горящих углей. Нет. Пусть все бумаги останутся здесь. Это будет памятник ей – женщине, состоявшей из пергамента, чернил и... притворства.

Закутавшись в старую одежду, Элис открыла дверь домика и вышла навстречу сырому дню. Ветер отвешивал ей пощечины. Отвращение и ненависть к собственному прошлому поднялись в душе мощной волной. Раскинувшийся впереди луг вел к реке – ледяной, серой и непреклонной. Однажды Элис случайно угодила в воду и едва не утонула. Она позволила себе немного помечтать. Все закончится быстро. Да, будет холодно и неприятно, но все произойдет мгновенно. Она произнесла вслух слова, которые всю ночь стучали в ее снах: «Пора покончить с этой жизнью». Она подняла голову. Ветер гнал тяжелые тучи по бескрайнему голубому небу.

Ты готова себя убить? Из-за такой малости? Лишь потому, что Рапскаль сказал тебе то, что ты и без него знала? – Прикосновение Синтары к ее сознанию оказалось весьма насмешливым. Взгляд драконицы был отстраненным и беспристрастным. – Я припоминаю, что мои предки и прежде наблюдали, как люди проделывали подобное: сами решали прервать свою и без того такую короткую жизнь, что она и значения-то не имеет. Ох, люди. Вы словно глупые мошки, летящие в огонь. Бросаетесь в воду, вешаетесь на мостах. Значит, река? Ты уверена, что именно так хочешь это проделать?

Синтара уже несколько недель не говорила с ней мысленно, и сейчас бесцеремонное вторжение и неуместное любопытство драконицы разожгли в Элис гнев. Она обвела взглядом небосклон. Ага, ясно. Крошечный проблеск синевы на фоне далеких туч.

Она ответила вслух, давая выход своему возмущению: в одну секунду отчаяние превратилось в упрямство.

– Я сказала, что пора покончить с ЭТОЙ жизнью, а не с жизнью вообще! – Элис заметила, как Синтара изгибает крыло и скользит к холмам. Настроение молодой женщины вдруг резко переменилось. – Убить себя? В отчаянии из-за даром потраченных дней и целой вереницы самообманов? И что я, интересно, этим докажу, кроме того, что в конце концов так и не избавилась от собственной глупости? Ну

уж нет. Я не намерена так поступать. Я возьму себя в руки. И заявляю на жизнь свои права.

Несколько долгих мгновений от Синтары не было отклика. Возможно, драконица почуяла добычу и потеряла всякий интерес к жалкому слабому человеку, неспособному убить даже кролика. А потом, совершенно неожиданно, голос синей королевы опять загудел у Элис в голове:

Направление твоих мыслей изменилось. По-моему, ты становишься собой.

Элис изумленно воззрилась на Синтару, а та вдруг плотно прижала крылья к туловищу и ринулась вниз. Контакт с драконом исчез так резко, что это походило на порыв ветра, ударивший по ушам. Элис замерла на месте, ошеломленная и одинокая.

Она становится собой? Направление ее мыслей изменилось? Что это означает? Да, скорее всего, Синтара просто пытается манипулировать Элис своими загадочными, ставящими в тупик фразами. Ладно, с этим тоже покончено! Она больше никогда добровольно не поддастся драконьим чарам. Хватит, надоело!

Элис круто развернулась на каблуках и вернулась обратно в дом. А еще пора покончить с ребяческой демонстрацией своих обид. Двигаясь с сосредоточенной яростью, совсем как некогда в юности, Элис спрятала документы в сундук и решительно захлопнула деревянную крышку. Вот так. Она осмотрела комнату и пожала плечами. Ну не смешно ли: она так долго ютилась в этом тесном помещении и даже не попыталась придать ему хоть какое-то подобие уюта? Получается, Элис ждала, чтобы Лефтрин привез с собой все удобства корабельной каюты? Какой стыд! Она больше ни единого часа не будет здесь отсиживаться, а немедленно займется чем-нибудь полезным.

Элис натянула на себя всю теплую одежду, какая была, и вышла на улицу. Она посмотрела в сторону лесистых холмов, возвышавшихся за их поселком. Теперь это ее мир, – и, возможно, другого ей уже не видать. Надо его понемногу осваивать. Не обращая внимания на

дождь, Элис направилась вверх по склону, следуя по протоптанной хранителями тропе. Обогнув соседние хижины, она добралась до опушки дремлющего леса. Когда поселок остался позади, решимость Элис окрепла. Она способна измениться. Она не прикована к прошлому и вполне может стать кем-то, самостоятельной личностью, а не просто глиной в руках других людей. Еще не поздно.

На пересечении тропинок женщина свернула на ту, которая шла право и вверх, взяв на заметку на обратной дороге идти вниз и налево. Мышцы ног, ягодиц и спины нещадно ныли после долгих недель безделья, но Элис не собиралась себя жалеть. Ходьба помогла ей согреться, и она даже расстегнула плащ и распустила шарф. Она всматривалась в лес так, как раньше всматривалась в Кельсингру, мысленно отмечая знакомые и незнакомые растения. Голые шипастые плети могут оказаться лесной малиной – надо будет летом вернуться и проверить.

Элис добралась до ручейка и, встав на колени, зачерпнула ладонями воду и напилась, а потом перешла на другой берег и двинулась дальше. В укрытой от ветра низине она заметила кусты гаультерии с блестящими красными ягодами. Элис обрадовалась так, словно обнаружила клад, и постаралась собрать побольше ягод в сложенный из шарфа мешок. Эти терпкие на вкус плоды станут прекрасным дополнением к их однообразным трапезам, а еще они обладают целительным действием и помогут вылечить саднящее горло и кашель. Листья этого вечнозеленого кустарника Элис тоже срывала, наслаждаясь ароматом и представляя себе, как заварит из них чай. Ее удивляло, что никто из хранителей до сих пор не нашел ягоды и не принес их в поселок, пока она вдруг не сообразила, что для выросших высоко в Дождевых чащобах охотников эти растения были настоящей экзотикой.

Завязав добычу в узелок, Элис подвесила его к поясу и двинулась дальше. Лиственные деревья сменил густой вечнозеленый лес. Усыпанные иглами ветки смыкались у нее над головой, заслоня дневной свет. Даже ветер, дувший непрерывно все эти дни,

утихомирился. Толстый слой пахучих иголок и лесная тишина вызвали у Элис такое ощущение, будто она закрыла уши ладонями. Какое облегчение!

Она неспешно брела через лес, когда почувствовала голод. Элис положила в рот пару ягод гаультерии и разгрызла их, ощущая непривычный вкус и аромат. Голод прошел.

Вскоре Элис вышла на прогалину, где рухнуло поваленное молнией гигантское дерево, прихватив с собой множество собратьев поменьше. Упавший ствол обвивало какое-то ползучее растение. Она некоторое время рассматривала его, а потом ухватилась за одну из шершавых плетей и вытянула ее, хотя та и сопротивлялась. Оборвав листья, Элис проверила прочность лозы. Голыми руками сломать стебель не получилось. Ну что ж... Можно будет вернуться сюда с ножом, нарезать лозу, унести домой и что-нибудь из нее сплести. Например, корзину. Или сеть для ловли рыбы. А почему бы и нет? Она внимательнее пригляделась к деревьям: почки уже набухают. Значит, зима начинает отступать. Где-то в вышине закричал далекий ястреб. Элис посмотрела сквозь прореху в кронах. Только благодаря этому она поняла, что полдень давно миновал. Надо возвращаться. Она намеревалась набрать веток ольхи, чтобы коптить рыбу, но не сделала этого, однако придет домой не с пустыми руками: наверняка все обрадуются ягодам гаультерии.

От непривычной ходьбы вниз по склону быстро заболели ноги. Элис стиснула зубы и заставила себя шагать дальше.

«Так мне и надо за то, что постоянно сидела дома!» – сурово упрекнула она себя.

Добравшись до лиственного участка леса, Элис ощутила странный запах. Ветер усилился, и она остановилась, пытаясь понять, что именно уловила. Запах был неприятный, но знакомый. И только когда животное вышло на тропу прямо перед ней, молодая женщина догадалась, что к чему.

«Вот так кот», – подумала Элис.

Огромный кот не сразу заметил человека. Он крался, опустив голову, и обнюхивал землю, открыв пасть, из которой виднелись длинные желтые клыки. Шкура у зверя была пестрая: черные пятна на темном фоне. На ушах хищника красовались кисточки, мышцы под гладким мехом напрягались и перекатывались.

Элис не верила своим глазам: ей предстало животное из тех, кого уже давным-давно никто не видел. Внезапно ей вспомнился собственный перевод слова из языка Старших.

– Пантера! – выдохнула она, произнеся название вслух. – Черный леопард!

Услышав шепот, зверь вздрогнул – и его желтые глаза уставились на нее. Элис охватил страх. Огромного кота насторожил незнакомый запах на тропе, ее собственный! Вот что он вынюхивал!

Сердце женщины испуганно замерло – и пустилось вскачь. Хищник смотрел на Элис: возможно, появление человека изумило его не меньше, чем ее саму – появление леопарда. Представители этих двух видов не встречались друг с другом вот уже много поколений. Зверь выгнул спину и зашипел.

Элис захотелось громко завизжать, но она справилась с паникой. Она сосредоточилась и мысленно позвала на помощь:

Синтара! Синтара, огромный кот – леопард – охотится на меня! Пожалуйста, помоги!

Нет. Справляйся сама, – равнодушно отозвалась Синтара.

В миг контакта Элис почувствовала, что драконица хорошо поела и погружается в довольное оцепенение. Но даже если бы она и пожелала пробудиться, то вряд ли бы успела вовремя: пока взлетела бы и пересекла реку, пока нашла Элис...

«Не отвлекайся на бесполезные мысли. Сосредоточься на главном», – приказала себе молодая женщина.

Кот наблюдал за ней – и его настороженность сменилась интересом. Чем дольше Элис будет стоять тут в оцепенении, как испуганный кролик, тем больше осмелеет зверь. Надо действовать!

– Я не добыча! – громко заорала она. Ухватив полы плаща, Элис широко распахнула его и растянула, чтобы выглядеть вдвое больше. – Не добыча! – прокричала она опять, намеренно понизив тембр голоса.

Элис захлопала плащом и заставила свои трясущиеся ноги сделать шаг вперед. Если она побежит, леопард кинется следом. Если испуганно замрет на месте, он тоже ее схватит. В любом случае терять нечего. Подгоняемая страхом и отчаянием, Элис, яростно взревев, бросилась на пантеру, продолжая на бегу хлопать полами одежды.

Зверь пригнулся – и она поняла, что сейчас он ее убьет. Ее басовитый рык превратился в гневный вопль, и кот неожиданно рыкнул в ответ. У Элис сбилось дыхание. На миг и напряжинившийся зверь, и напуганная женщина замерли. А затем леопард повернулся и умчался в лес. Он освободил тропу, и испуганная Элис огромными прыжками бросилась наутек. Она и не подозревала, что человек способен развить такую скорость. Лес вокруг нее словно бы смазлся, контуры деревьев были видны нечетко. Нижние ветки рвали волосы и одежду, но женщина не замедляла бега. Она хватала ртом воздух, который обжигал ей горло и сушил рот, однако не останавливалась. Наконец у нее в глазах начало темнеть – и тогда она заковыляла медленнее, хватаясь за стволы, чтобы удержаться на ногах. Когда страх перестал придавать ей силы, Элис сползла на землю, привалившись спиной к раскидистому дубу, и обернулась назад.

В чаще не было заметно никакого движения. Элис сумела закрыть рот, усмирила дыхание и услышала оглушительный стук собственного сердца. Ей показалось, что прошли часы, прежде чем она успокоилась, а биение сердца затихло настолько, что она смогла слышать обычные звуки леса. Она напряженно прислушивалась, но до нее доносился только шелест ветвей. Уцепившись за ствол, женщина с трудом поднялась, гадая, смогут ли трясущиеся ноги нести ее дальше.

Когда Элис двинулась по тропе, ведущей к дому, у нее на лице вдруг заиграла нелепая ухмылка. Она сумела! Она столкнулась с пантерой, спаслась и возвращается домой победительницей – и к тому же с ягодами гаультерии и листьями для чая.

«Я не добыча!» – хрипло прошептала молодая женщина, и ее ухмылка стала еще шире.

На ходу она привела в порядок одежду и пригладила волосы. Накрапывающий дождь мог в любой момент превратиться в ливень. Надо поторопиться, пока она не промокла до нитки. И к тому же дома у нее накопилось много дел. Надо собрать дрова и растопку, одолжить углей, чтобы разжечь огонь, принести воды. А еще нужно рассказать Карсону про леопарда, чтобы он предостерег остальных. А потом она заварит себе чаю.

Элис чувствовала, что теперь, когда ее собственная жизнь обрела новый смысл, она уж точно заслужила чашку ароматного чая из листьев гаультерии.

*Двадцатый день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
Всем зрителям голубятен –
от руководства гильдии Голубиной почты
Предписывается вывесить сие уведомление
на видном месте во всех почтовых отделениях*

Необходимо, чтобы все члены гильдии Голубиной почты помнили о нижеследующем. Дело, которому мы служим, – это освященное веками ремесло со своими правилами, нормативами, кодексом этики и профессиональными, доступными исключительно членам гильдии секретами, связанными с содержанием и разведением голубей. Должным образом обученные птицы являются собственностью гильдии, равно как и их потомство. Наша репутация издавна зиждется на том, что наши голуби являются самыми быстрыми, умелыми и здоровыми. Многочисленные клиенты прибегают к нашим

услугам, поскольку уверены, что мы не только вовремя доставим их сообщения, но также и обеспечим им полную конфиденциальность.

К сожалению, в последнее время участились жалобы и претензии, касающиеся возможного вскрытия посланий. Наряду с этим мы заметили, что обострилась конкуренция: все больше клиентов стали пользоваться услугами частных голубятен. А что еще хуже, недавняя эпидемия красных вшей привела к тому, что из-за отсутствия достаточного количества голубей мы были вынуждены отказывать людям, которые обращались в наши почтовые отделения.

В связи с вышеизложенным обращаем внимание уважаемых коллег на то, что под угрозой оказалась не только наша репутация, но и доходы. Профессиональная честь требует от каждого незамедлительно докладывать руководству о любых подозрениях относительно вскрытия посланий.

Также необходимо ставить нас в известность о случаях кражи яиц или птенцов для личных нужд.

Только при строгом и повсеместном соблюдении правил гильдии Голубиной почты всеми ее членами мы сможем обеспечивать клиентам надлежащее качество услуг. Помните, что строгое соблюдение всех профессиональных норм является залогом нашего общего процветания.

Глава 2. Полет

Драконы, словно ласточки, описывали широкие круги над рекой. Казалось, что полет дается им без всякого труда. Хеби сверкала алым, а высоко над ней – по расширяющейся спирали – кружила Синтара, подобная синему сапфиру на фоне голубого неба. Сердце Татса радостно запело, когда он наконец заметил пару изумрудных крыльев. Фенте! Его собственная зеленая драконица, его королева Фенте порхала уже три дня, и каждый раз, когда Татс видел ее в воздухе, душу юноши наполняли любовь и гордость. И конечно, эти чувства были слегка приправлены тревогой.

Глупыш! Я – дракон. Небеса принадлежат мне. Я понимаю, что привязанному к земле существу трудно такое осознать, но именно здесь мой дом.

Ее снисходительность могла вызвать только улыбку.

Ты паришь, как пух одуванчика.

Пух с когтями! Я лечу на охоту!

Хорошей тебе добычи!

Татс наблюдал, как Фенте, накренившись, отделяется от стаи, направляясь к подножиям холмов на дальнем берегу реки. Хранитель ощутил укол разочарования. Наверное, сегодня он ее уже не увидит. Она найдет добычу, убьет ее, наестся до отвала, заснет – а вечером вернется не к нему, а в Кельсингру. Там Фенте понежится в купальне или переночует, спрятавшись в укромном городском убежище, предназначенном для драконов. Конечно, оно и к лучшему. Это как раз то, что ей необходимо, чтобы расти и увереннее летать. И Татс радовался, что его драконица одной из первых смогла взмыть ввысь. Но... он скучал по ней. Успех Фенте сделал его еще более одиноким, чем прежде.

Несколько других драконов пытались проделать то, что Фенте уже освоила. Карсон стоял рядом с серебристым Плевком и,

придерживая за край крыльев, осматривал на предмет паразитов. Плевок сверкал, как отполированный меч. Татс догадался: хранитель под предлогом ухода заставляет дракона расправлять крылья. Плевок ворчал – недовольно и угрожающе, однако охотник не обращал на брюзжание дракона ни малейшего внимания. К сожалению, не все их подопечные тренировались и упражнялись охотно. Плевок был в числе самых упрямых. Ранкулос проявлял неосторожность и славился угрюмым нравом. Черно-синий Кало кипел величавым возмущением по поводу того, что жалкие людишки смеют им руководить, а Балипер откровенно боялся быстрого течения реки. Что до остальных, то, по мнению Татса, они просто ленились. Обучение полету требовало немалых усилий и протекало довольно болезненно.

Однако некоторые драконы были твердо намерены взмыть вверх, добиться этого любой ценой. Дортеан упал на деревья и так сильно ушибся, что до сих пор не вполне выздоровел. А Сестикан порвал перепонку. Его хранитель, Лектер, удерживал поврежденное крыло своего дракона в раскрытом положении и плакал от жалости, пока Карсон зашивал разрыв.

Меркор замер, широко раскинув золотые крылья в бледном солнечном свете. Харрикин и Сильве наблюдали за ним, и на лице девушки отражалось беспокойство. Ранкулос, дракон Харрикина, ревниво следил за ними. Золотистый самец раскинул крылья и отрывисто хлопнул ими, словно удостоверившись, что все работает. Перенеся вес тела на задние лапы, он подобрался и подпрыгнул, делая широкие взмахи. Но, несмотря на все усилия, не сумел набрать достаточную высоту, так что лишь спланировал вдоль реки, после чего неуклюже приземлился на песок. Татс испустил протяжный вздох разочарования и увидел, что Сильве закрыла лицо ладонями. Золотой дракон вырос, но сильно похудел и уже не сверкал так, как прежде. Умение летать и добывать пропитание становилось вопросом жизни и смерти – и не только для самого Меркора, но и

для остальных его сородичей. Они пойдут за ним, куда бы он их ни повел.

Меркор обладал какой-то странной властью над ними, и Татс не вполне понимал причину этого. Когда все они были еще змеями, он возглавлял их «клубок», и, как ни странно, драконы сохранили ему верность и в новой жизни. И когда Меркор объявил, что освоившие полет драконы должны охотиться исключительно на другом берегу реки и не трогать животных на этой стороне, чтобы хранителям проще было прокормить их пока что прикованных к земле собратьев, никому даже в голову не пришло с ним спорить. Теперь все наблюдали за тем, как Меркор разминает крылья, и Татс надеялся, что если ему удастся взлететь, то и остальные проявят бóльшую заинтересованность.

Когда драконы смогут охотиться, всем станет легче жить. Хранители тоже смогут перебраться в Кельсингру. Татс подумал о теплой постели и горячей воде и тоскливо вздохнул. Он снова поднял взгляд, чтобы полюбоваться на Фенте.

– Трудно ее отпустить, да?

Молодой человек неохотно повернулся к задавшей этот вопрос Элис. Мгновение Татс потрясенно думал, что она заглянула ему в сердце и поняла, как он страдает по Тимаре. А затем, поняв, что речь шла о его драконице, попытался улыбнуться. Женщина из Удачного в последнее время была молчаливой, серьезной и какой-то отстраненной. Казалось, будто она опять стала чужой утонченной дамой из богатой семьи: когда хранители поразились, узнав, что она отправится вместе с ними вверх по реке Дождевых чашоб. Сперва Элис соперничала с Тимарой, добиваясь внимания Синтары, но исключительная ловкость девушки из Трехога, умелой охотницы, вскоре завоевала если не сердце, то желудок синей драконицы. Однако Элис все-таки нашла свое место среди хранителей. Она не добывала дичь, но помогала чистить драконов и лечить их раны, а ее обширные познания о драконах и Старших оказались чрезвычайно

важными и полезными. Какое-то время они считали, что Элис вписалась в их круг.

Однако ни один дракон так и не избрал молодую женщину своей хранительницей, а когда Рапскаль заявил, что найденный ими город принадлежит только Старшим, Элис и вовсе осталась одна. На душе у Татса сразу же делалось неуютно при воспоминании о том жестком противостоянии. Когда они попали в Кельсингру, Элис властно заявила, что здесь ничего нельзя трогать или менять, пока она не сможет тщательно описать мертвый город. Татс тогда согласился с ней, как и другие. Теперь он сам дивился тому, какую власть этой женщине предоставили лишь потому, что она была взрослая и ученая.

А потом произошла та роковая стычка между Элис и Рапскалем. Рапскаль, единственный из хранителей, мог посещать Кельсингру когда вздумается. Его драконица, Хеби, научилась летать первой и, в отличие от сородичей, не возражала возить у себя на спине пассажира. Хеби не раз доставляла в город и саму Элис. Но когда Рапскаль и Тимара совершили очередную вылазку и на следующий день вернулись с запасом теплых одеяний Старших, чтобы поделиться с друзьями, донашивавшими жалкие лохмотья, рыжеволосая исследовательница вознегодовала. Татс никогда еще не видел воспитанную, неизменно вежливую Элис настолько злой. «Остановитесь! – кричала она. – А ну-ка перестаньте обращаться с вещами Старших так небрежно! Немедленно положите всё обратно! О чем вы только думали, когда забирали наследие Старших из города?»

Ребята поначалу смутились, но тут Рапскаль бросил Элис вызов. Он сказал ей – со свойственной ему прямоотой, – что город вовсе не мертвый, как она думает, а живой и принадлежит Старшим. И напомнил Элис, что сама она – простой человек и к Старшим никакого отношения не имеет. Вот так-то. И Татсу, хотя сердце у него и обливалось кровью при виде Тимары с Рапскалем, стало очень жаль Элис. А когда он понял, что она быстро отдаляется,

отгораживается от них, ему стало стыдно и захотелось все исправить. Сейчас молодой человек в душе упрекнул себя за то, что с тех пор ни разу даже не заглянул к Элис и не спросил, все ли у нее в порядке. Конечно, он и сам страдал, но ему следовало проявить хоть какое-то участие. А он даже не заметил отсутствия Элис, пока та не появилась среди них снова.

Может, ее попытка завязать разговор означает, что она пришла в себя после отповеди Рапскаля? Татс надеялся, что так и есть.

Улыбнувшись ей, он ответил:

– Фенте изменилась. Я теперь нужен ей не так сильно, как прежде.

– Очень скоро это произойдет с каждым из хранителей, – произнесла Элис, продолжая наблюдать за драконами, парящими в небе. – Все изменится. Ваши подопечные будут думать только о себе. Драконы сами начнут определять свою жизнь. И возможно, нашу тоже.

– Что ты имеешь в виду?

Теперь Элис посмотрела прямо на него, недоуменно приподняв брови, как будто ее изумила подобная непонятливость:

– Я хочу сказать, что драконы снова будут править миром. Как они делали это и раньше.

– Раньше? – повторил Татс и зашагал следом за Элис.

Это вошло у всех них в привычку: хранители и не освоившие полет драконы по утрам собирались на берегу реки, обсуждая разные дела и строя планы. Татс оглянулся и на миг восхитился волшебным зрелищем. В тающем утреннем тумане сверкали фигуры хранителей, облаченных в одеяния Старших. Драконы разбрелись по пологому склону и ярко блестели на фоне влажного от росы луга. Они разминали крылья, энергично хлопая ими по траве, или вытягивали шеи и лапы. Карсон прекратил понукать Плевка и ожидал их вместе, расположившись с Седриком у подножия холма.

И вдруг Татс сообразил, что у них появился предводитель. Несмотря на впечатляющую речь, произнесенную после возвращения из Кельсингры, Рапскаль не стал командовать другими,

хотя Татс и считал, что он вполне на такое способен. Но вероятно, его совершенно не привлекала роль вожака. Рапскаль был красивым и веселым малым. Он пользовался симпатией товарищей, но большинство говорило о нем с теплой улыбкой, а не с глубоким уважением. Рапскаля считали немного странным: то на него нападала задумчивость, то вдруг находила неестественная общительность. Однако он всегда оставался доволен собой. Честолюбие, которое мигом возгорелось бы в Татсе, окажись он на его месте, было совершенно не свойственно Рапскалю.

По возрасту Карсон был старше всех, кого избрали драконы. Казалось логичным возложить на него ответственность, и охотник от нее не уклонялся. Как правило, Карсон распределял между хранителями обязанности: одним поручалось чистить и обихаживать питомцев, пока другие отправлялись добывать дичь или ловить рыбу. Если хранитель вдруг протестовал и говорил, что он по горло занят, что у него сейчас есть какие-то другие неотложные дела, Карсон не упорствовал. Он никогда не давил на ребят и не настаивал на своем любой ценой, но действовал мудро, с учетом ситуации и личных особенностей каждого. В результате все признали его главенство и власть.

Элис молча взяла на себя часть черной, но необходимой повседневной работы. Она следила за коптильней, где вялились рыба и мясо, собирала съедобные растения и помогала чистить драконов. Сильве, будучи не слишком хорошей охотницей, полностью сосредоточилась на приготовлении еды. По предложению Карсона хранители опять стали есть все вместе. Было приятно собираться, чтобы поесть и вдоволь поболтать, как они делали это прежде, когда сопровождали драконов вверх по реке.

Благодаря этому Татс чувствовал себя менее одиноким.

– Да, драконы будут править миром, – продолжила Элис и покосилась на собеседника. – Когда видишь их в полете, а потом наблюдаешь за тем, как вы меняетесь... это заставляет по-другому оценить то, что я обнаружила во время своих ранних исследований.

Драконы были центром цивилизации Старших, а люди являлись отдельной популяцией и жили в поселениях вроде того, что мы нашли здесь. Они выращивали зерно и разводили скот, который отдавали Старшим в обмен на их чудесные изделия. Взгляни на город на том берегу реки, Татс, и задай себе вопрос: как они могли себя прокормить?

– Ну, на окраинах, наверное, паслись стада. И еще были поля... – пробормотал Татс. – Да?

– Наверное. Но хозяйством занимался простой люд. Старшие же посвящали себя магии и уходу за драконами. Все, что они строили и создавали, было нужно не им, а драконам, которые их затмевали.

– В смысле – правили ими? Драконы повелевали Старшими? – беспомощно уточнил Татс.

Такая картина показалась ему не слишком вдохновляющей.

– «Правили» – это не совсем точное слово. Разве Фенте тобой правит?

– Нет, конечно!

– Однако ты посвящал все дни добыче пищи для Фенте, чистил свою драконицу и всячески о ней заботился.

– Но я сам так хотел!

Элис улыбнулась:

– Вот поэтому термин «правили» и не годится. Очаровывали? Околдовывали? Я не уверена, как это следует правильно выразить, но ты, Татс, наверняка меня понимаешь. Если у нынешних драконов будет потомство, их число увеличится, и тогда они неизбежно станут перестраивать мир под себя.

– Звучит не ахти! Как-то это... чересчур эгоистично с их стороны!

– Неужели? А разве люди не делают то же самое на протяжении веков? Мы – поколение за поколением – заявляем свои права на земли и используем их в своих целях. Мы изменяем русла рек и ландшафты, чтобы можно было плавать на судах, собирать урожай или пасти скот. И мы считаем вполне естественным формировать

мир так, чтобы он был удобен и гостеприимен для нас. Тогда почему драконы должны воспринимать все как-то иначе?

Татс призадумался.

– Их намерения искренни, и, возможно, они не причинят нам вреда, – произнесла Элис, нарушив паузу. – Вероятно, люди растеряют часть своей ограниченности, если им придется соперничать с драконами. О, посмотри-ка на Ранкулоса... Никогда бы не поверила!

Огромный алый дракон завис в воздухе. Он не отличался изяществом. Его хвост по-прежнему был слишком тонким, а задняя часть туловища – недостаточно массивной для такого громадного существа. Татс собрался было возразить, что Ранкулос просто хочет спикировать вниз, но тут дракон начал тяжело хлопать крыльями – и планирование превратилось в натужный полет. Дракон постепенно набирал высоту.

Татс заметил Харрикина. Высокий худощавый хранитель бежал по склону, пытаясь догнать дракона. Когда Ранкулос взмыл ввысь, юноша закричал:

– Смотри, куда летишь! Поворачивай налево! Не над рекой, Ранкулос! Нет!

Ветер относил в сторону голос Харрикина, а Ранкулос парил высоко: Татс решил, что громадный дракон вряд ли услышал хранителя. А если и услышал, то пропустил его отчаянные вопли мимо ушей. Возможно, он полон ликования от того, что наконец-то поднялся в воздух, а может, решил, что полетит или погибнет.

Красный дракон неловко поднимался в небо. Его задние ноги болтались и дергались в безуспешных попытках подтянуть их к туловищу. Другие хранители подхватили крик Харрикина:

– Слишком рано, Ранкулос! Спускайся!

– Вернись!

Но Ранкулос не обращал на них внимания. Он отчаянно стремился удалиться от берега. Ровные взмахи крыльев вскоре превратились в беспорядочное хлопанье.

– Что он творит? И о чем только думает?

– Молчать! – Трубный клич Меркора действительно заставил всех замолчать. – Смотрите! – приказал он людям и драконам.

Ранкулос парил в вышине, широко раскинув крылья. Его неуверенность стала очевидной. Он качнулся и накренился, описывая широкую дугу – и одновременно теряя высоту. Потом, наверное осознав, что до Кельсингры ему ближе, чем до прибрежного поселка, он полетел прежним курсом. Однако все заметили, что красный дракон изрядно подустал. Его туловище обвисло, а крылья начали трепыхаться. Вот сейчас произойдет неизбежное, и Ранкулос рухнет в реку...

– Не-е-ет! – Возглас Харрикина был полон страдания. Он замер, вонзив ногти в лицо, но, похоже, даже не почувствовав боли.

Однако Ранкулос удалялся от поселка. Под ним неся бурный речной поток. Сильве опасно покосилась на Меркора и, подбежав к Харрикину, встала рядом с ним. Лектер ковылял по склону к своему названому брату, сутуля широкие плечи. Он явно сочувствовал Харрикину, догадываясь, что все закончится плохо.

Ранкулос опять замахал крыльями, но уже не ритмично и равномерно, а беспорядочно, поддавшись панике. Из-за дерганных движений его сильно перекосило и повело в сторону. Дракон вел себя как птенец-переросток, покинувший гнездо. Он хотел попасть на дальний берег, но понимал, что не сможет туда добраться. Один... два... три раза кончики его крыльев прочертили по поверхности реки белые полосы, а затем течение поймало его обвисшие задние лапы и вырвало Ранкулоса из воздушной стихии, заставив опрокинуться в серый поток. Бедняга даже не успел поджать лапы. Он тщетно забил крыльями по воде – и пошел ко дну. А река быстро разгладилась над тем местом, куда упал дракон, словно его никогда и не существовало.

– Ранкулос! – Голос Харрикина стал пронзительным и ребяческим.

Он опустил на колени. Хранители, будто окаменев, смотрели на реку. Каждый надеялся на чудо. Но ничто не возмущало

стремительные воды. Харрикин напрягся, сжал руки в кулаки и заорал:

– Плыви! Гребь! Не сдавайся, Ранкулос! Борись! Не сдавайся!

Он поднялся на ноги и зашагал вниз, волоча следом вцепившуюся в него Сильве. Наконец остановился, отчаянно озираясь, содрогнулся всем телом и взревел:

– Нет! Са, умоляю тебя! Только не мой дракон! Нет!

Порыв ветра отнес в сторону его слова, полные горячей мольбы. Бедный парень рухнул на колени и низко опустил голову.

Воцарилась гнетущая тишина. Все смотрели на опустевшую реку. Сильве оглянулась на хранителей: на ее лице отражались беспомощность и глубокое потрясение. Лектер подошел ближе. Он положил покрытую чешуей руку на худое плечо Харрикина и тоже склонил голову. Плечи его дергались.

Татс молча взирал на них, разделяя общую боль. Он бросил виноватый взгляд в небо. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы отыскать Фенте – мерцающий далекий изумруд. Как раз в это мгновение его королева спикировала, наверняка на оленя.

«Она не знает или ей все равно?» – задался Татс вопросом. Напрасно он высматривал двух других драконов. Если они и заметили, что Ранкулос тонет, то ничего не предприняли. Может, просто знали, что не смогут помочь ему? Но почему драконы всегда так бессердечны к себе подобным?

«А порой и к своим хранителям», – вдруг подумал Татс, когда в его поле зрения появилась лазурная красавица Синтара. Она была занята охотой и, подобно молнии, неслась над далекими пологими холмами. Ее не интересовали ни Тимара, стоящая в одиночестве на берегу, ни Ранкулос, погибающий в ледяных объятиях реки.

– Ранкулос! – внезапно прохрипел Сестикан.

Лектер вскинул голову, повернулся – и с ужасом увидел, что его голубой дракон тяжело мчится вниз по склону. На бегу Сестикан раскинул крылья, демонстрируя ярко-оранжевые прожилки. Лектер тут же бросил убитого горем брата и помчался наперерез своему

подопечному. На ходу он громко умолял его одуматься. Дэвви ринулся следом за ним. Крупный голубой дракон усердно тренировался, и тем не менее Татс изумился, когда он внезапно подпрыгнул, ловко вытянул тело и принялся набирать высоту с каждым взмахом крыльев. Сестикан пролетел высоко над головой своего хранителя, но когда он устремился на другой берег, от поверхности реки его отделяло только расстояние, равное длине крыла.

Лектер завопил:

– Нет! Ты еще не готов. Стой! Не вздумай!

Дэвви замер, в панике зажимая рот обеими руками.

– Не останавливай его, – устало посоветовал Меркор. Он произнес эти слова вполголоса, но их услышали все. – Сестикан пошел на риск, который ждет каждого из нас, рано или поздно. Остаться здесь – значит медленно умирать. Возможно, быстрая смерть в ледяной воде – лучший выбор.

Вращая черными глазами, золотой дракон наблюдал за неуклюжим Сестиканом.

Ветер прошелестел по лугу, принес с собой мелкий дождь. Татс прищурился, радуясь, что щеки у него и так уже влажные.

– А может, и нет! – протрубил Меркор.

Он встал на задние лапы и уставился на вождельный противоположный берег. Его примеру последовали еще несколько драконов. Харрикин вскочил, а Плевок воскликнул:

– Он вылез! Ранкулос пересек реку ниже по течению!

Татс безуспешно всматривался в даль. Дождь превратился в серую дымку, а драконы глядели туда, где масса древних построек сползала в воду.

Харрикин крикнул:

– Да! Он вылез из реки! Ранкулос ушибся и поранился, но он жив. Ранкулос жив – и он в Кельсингре!

Наконец Харрикин заметил рядом с собой Сильве. Он подхватил ее на руки и закружил в радостном танце, восклицая:

– Он цел! Цел!

Сильве засмеялась. Но потом они вдруг разом замолчали.

– А где Сестикан? – спросил Харрикин. – Лектер!

И бросился к своему брату, а девушка побежала за ним.

Голубой дракон Лектера все-таки добрался до цели. Он выгнулся, прижал более короткие передние лапы к обвисшим задним и пошел на снижение. Приземляясь, Сестикан поначалу действовал достаточно ловко, но в последний момент не сумел снизить скорость и перекувырнулся, так и не сложив широкие крылья. Неуклюжая посадка вызвала у зрителей одобрительные крики, стоны разочарования и даже взрывы смеха. Однако Лектер ликующе завопил и подпрыгнул на месте.

Он повернулся и с лукавой ухмылкой осведомился у хранителей:

– А ваши драконы могут лучше?

Заметив Дэвви, он крепко обнял возлюбленного.

В следующую секунду его названный брат и Сильве тоже обняли их. А потом, к изумлению Татса, Харрикин оттащил девушку в сторону, еще раз покружил и, поставив на землю, крепко поцеловал. Собравшиеся хранители с приветственными возгласами направились к ним.

– Всё меняется, – негромко сказала Элис, посмотрев на толпу восторженных хранителей, и снова повернулась к Татсу. – В Кельсингре уже целых пять драконов.

– А здесь – еще десять, – поддержал беседу Татс и, видя, что Харрикин и Сильве продолжают обниматься, добавил: – Всё и вправду изменилось. Думаешь, так и должно быть?

– Неужели ты веришь, что им важно мое мнение? – спросила Элис искренне и не без горечи.

Татс ответил не сразу.

– Думаю, да, – заявил он в конце концов. – Это важно каждому из хранителей. Ты столько знаешь о прошлом. По-моему, иногда ты лучше нас видишь, что может с нами случиться... – Татс осекся, осознав, что собеседница может неправильно истолковать его слова.

– Потому что я – не одна из вас. Я лишь посторонний наблюдатель, – подытожила Элис. Когда юноша молча кивнул, смутившись, она фыркнула. – Но зато это дает мне преимущество и способность взглянуть на вещи так, как не дано вам.

Она махнула рукой в сторону Сильве и Харрикина. Те до сих пор стояли рядом с Лектером. Остальные окружили их, смеясь и ликуя. С Лектером был и Дэвви – и они, конечно, не разнимали рук.

– В Трехоге и Удачном поведение этой парочки вызвало бы настоящий скандал. Там они давно стали бы изгоями. А здесь если мы и отводим взгляды, когда они целуются, то не от отвращения, а просто чтобы не мешать влюбленным.

Татс отвлекся. Он заметил, что Рапскаль прошел между хранителями и приблизился к Тимаре. Он что-то прошептал ей, и девушка заулыбалась. А затем Рапскаль положил ладонь ей на спину, едва касаясь пальцами ткани одеяния Старших, – там, где находились крылья. Тимара изогнулась, словно от дрожи, и отстранилась, но на ее лице не было ни малейшего недовольства.

Татс отвернулся и опять обратился к Элис.

– Или мы отводим взгляды из зависти, – заявил он, удивившись собственной откровенности.

– Одиночеству тяжело смотреть на счастье, – согласилась Элис, и Татс понял: она приняла его реплику на свой счет.

– Но твое одиночество скоро закончится, – напомнил он.

Рыжеволосая женщина пожала плечами:

– Наверное. И со временем то же самое произойдет и с тобой.

– Почему ты так уверена? – не слишком любезно поинтересовался Татс.

Элис задумчиво склонила голову:

– Ты правильно подметил: я наблюдаю со стороны и строю прогнозы. Но если я скажу тебе о том, что предвижу, то, боюсь, тебе это не понравится.

– Я готов услышать правду, – заверил ее юноша и тут же смутился.

Элис кивнула, но промолчала.

Татс с трудом различал обоих драконов: их силуэты едва вырисовывались в дождливой дымке. Ранкулос уже вылез на сушу – значительно ниже по течению – и направлялся к Сестикану. А Сестикан казался маленькой голубой фигуркой, неторопливо шагавшей по одной из главных улиц города. Татс решил, что он направляется в купальни. Все не начавшие летать драконы только и говорили что о горячих ваннах. Он уставился на драконов на ближнем берегу. Они смотрели в сторону реки с явной тоской. Шея Меркора была вытянута к Кельсингре, как будто он мог перенестись туда одним лишь усилием воли. Серебряный Плевок и приземистая Релпда топтались рядом, как растерянные дети. Их сородичи расположились вокруг Меркора веером. Иссиня-черный Кало возвышался над Верас, миниатюрной королевой Джерд. Балипер и Арбук держались поодаль от вспльчивого темного самца. Тиндер, единственный лиловый дракон, у которого на крыльях уже начали проявляться ярко-синие прожилки, застыл возле двух оранжевых собратьев – Дортеана и Скрима. Татсу эта парочка казалась страшно похожей на своих хранителей, Кейза и Бокстера. Прямо близнецы какие-то! Но плавная речь Элис прервала его размышления.

– Они очень юные, даже по меркам Дождевых чащоб. А уж по меркам Старших ваши жизни еще только начались. Я ведь долго занималась исследованиями и вычислила, что у вас впереди не десятки лет, а гораздо больший срок. Вам предстоит пережить несколько людских поколений. Подозреваю, что, по мере того как население Кельсингры увеличится, у тебя появится возможность с кем-нибудь познакомиться. Рано или поздно ты найдешь себе молодую подружку, и не одну. Уж поверь мне, Татс.

Он потрясенно воззрился на собеседницу.

– Старшие – не люди, – твердо проговорила она. – В древние времена они не были скованы общепринятыми человеческими нормами. – Элис вновь посмотрела вдаль, на Кельсингру, словно способна была узреть будущее окутанного туманом города. – И я подозреваю, не будут и впредь. Вы станете жить отдельно от нас и по

собственным правилам. – Она указала на радостную группу хранителей. – А сейчас ты напрасно стоишь здесь, со мной. Тебе лучше присоединиться к своим товарищам.

Элис наблюдала за тем, как Татс принимает решение. Она восхитилась его мужеством, когда юноша отрывисто кивнул и направился вниз по склону. Он единственный из хранителей начал свой путь как татуированный сын рабыни, а не как уроженец Дождевых чащоб. Порой Татс ощущал себя здесь чужаком. Однако она знала истину. Теперь он был таким же Старшим, как и остальные, – и останется им до конца своих дней.

Элис задумчиво возвратилась домой и, со вздохом открыв дверь, вошла в свое тщательно прибранное жилище. Они – Старшие, тесно связанные с драконами, а она – нет. Да, следует посмотреть правде в глаза: она, единственная, кто столько знает о драконах, так и не смогла установить ни с одним из этих существ тесную связь. Удушающее одиночество снова набросилось на нее. Но женщина отмахнулась, заставив себя не думать о всеобщем ликовании на берегу, и сосредоточилась на текущих заботах. Нужно принести свежие ветки ольхи для коптильни. А для очага, на котором готовили еду, понадобятся сухие дрова. И то и другое теперь находить трудно: легкодоступные запасы поблизости быстро истощились. Эти дела по-прежнему оставались важными и были ей вполне по силам. Не слишком сложная и значимая работа по сравнению с тем, чем Элис занималась прежде, но теперь это ее повседневные обязанности. А найденные ею лозы оказались отличным материалом для плетения легких корзин, чтобы носить хворост и растопку. Элис выбрала небольшую корзину и пристроила ее на плече. Не стоит понапрасну никому завидовать. У нее своя жизнь и свое собственное предназначение. Женщина взяла толстую палку, которую принес ей Карсон в качестве посоха. Если она намерена приспособиться к этим местам и жить рядом со Старшими и драконами, надо привыкать к своему новому положению.

Потому что выбора попросту нет. Вернуться в Удачный, к безрадостному фальшивому браку? Глотать жестокие насмешки Геста и терпеть жалкое прозябание в качестве его жены? Ну нет! Лучше уж деревянная лачуга на берегу реки с Лефтрином или даже без него, чем возврат к прежней жизни. Элис расправила плечи и собрала волю в кулак. Было непросто перестать прятаться за своей якобы полезностью в качестве знатока Старших и драконов. Однако она постепенно учится. Теперь она занята пусть не почетной, но необходимой работой, и эта работа приносила ей удовлетворение, непохожее на то, которое ей доводилось испытывать в прежнем качестве.

Сильве попросила показать ей ягоды гаультерии. Сегодня днем они вдвоем пойдут собирать плоды и листья и искать новые заросли кустарника. И обязательно вооружатся посохами – вдруг леопард появится снова. Элис потихоньку улыбнулась, вспомнив, как изумился Карсон, услышав, что она напугала крупного кота. Он попросил ее присоединиться к ним за ужином и рассказать о том, что она видела и где, и о том, как ей удалось спастись от хищника. А еще он взял с нее слово не уходить в чащу без напарника и не уведомив кого-нибудь заранее.

В тот вечер Элис было приятно стоять перед ними и пересказывать все, что она узнала о легендарных леопардах из старинных рукописей Старших, и делиться историей о том, как она сама притворилась хищником и испугала зверя. Хранители смеялись, слушая о происшествии в лесу, но не презрительно, а восхищаясь ее отвагой.

Теперь у Элис есть свое место – и она добилась этого сама.

*Двадцать второй день месяца Рыбы,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Кима, смотрителя голубятни в Кассарике, –
Уинслоу, главному регистратору голубей*

Считаю досадным недоразумением, что простая ошибка в учете птиц привела к нелепым подозрениям и обвинениям в мой адрес. Я много раз говорил Совету, что являюсь жертвой предрассудков – просто из-за того, что получил свое назначение, будучи татуированным, а не уроженцем Дождевых чащоб. Мои нынешние подмастерья хранят верность своим сородичам, что и приводит к подозрениям и явной клевете. Поскольку, похоже, у них нет других дел, помимо распространения злонамеренных слухов, я увеличил вдвое часы их работы.

Да, количество птиц, которые сейчас находятся у нас в голубятне, уменьшилось по сравнению с тем, сколько их было до того, как эпидемия красных вшей окончательно прекратилась. Чем я объясню расхождение в цифрах? Все очень просто: некоторые особи умерли.

Признаться, в той трудной ситуации я не уделял пристального внимания записям, поскольку отчаянно пытался сохранить голубям жизнь. И по этой же причине я сжигал тушки мертвых птиц, прежде чем другие смотрители могли удостовериться в том, что они действительно погибли. Все было сделано исключительно с целью остановить распространение заразы. И больше ничего за этим не стояло.

К сожалению, я не могу предоставить никаких доказательств – если только гильдия не желает, чтобы я отправил вам угли и пепел. Однако лично мне подобное представляется абсолютно бессмысленным. Полагаю, что ты со мной согласишься.

Ким, смотритель голубятни в Кассарике

P. S. Если в каких-либо голубятнях возникла нужда в подмастерьях, то я с радостью отправлю туда на службу своих, от них здесь все равно нет толку. Это лишь пойдет на пользу общему делу. Чем скорее новые, воспитанные лично мною сотрудники смогут заменить тех, кто выдвигал против меня беспочвенные обвинения, тем скорее работа голубиной почты в Кассарике станет действительно плодотворной и соответствующей высоким требованиям нашего ремесла.

Глава 3. Охотники и добыча

Синтара выбралась на сушу. Холодная вода водопадом скатывалась с ее сверкающей синей чешуи. Оказавшись на берегу, она распахнула крылья, качнулась на задних лапах и отряхнулась, осыпая песчаную косу каплями. Плотно прижав крылья к туловищу, драконица притворилась, будто не замечает, что к ней приковано всеобщее внимание. Она внимательно осмотрела всех собравшихся на берегу: и драконов, и их застывших рядом хранителей.

Молчание нарушил Меркор:

– Ты хорошо выглядишь, Синтара.

Она это знала. Для подобных изменений не потребовалось много времени. Долгие часы в горячей, почти кипящей воде; полеты, чтобы нарастить мышцы; и свежее мясо, необходимое, чтобы кости обросли плотью... Она наконец-то ощущала себя настоящим драконом. Синтара задержалась еще на мгновение, позволяя присутствующим оценить свою красоту, и снова опустилась на четыре лапы. Пристально взглянув на Меркора, она произнесла:

– А ты – нет. Все еще не научился летать, Меркор?

Ее презрительный тон не смутил его.

– Ты права. Но надеюсь, уже совсем скоро я тоже поднимусь в воздух.

Синтара сказала правду. Золотистый самец выглядел неважно: Меркор вырос из своей плоти, и теперь мышцы слишком тонким слоем растянулись у него по костям. Он был чистым – таким же безупречно ухоженным, как и всегда, – но прежний блеск уже исчез.

– Он обязательно полетит, – произнес кто-то весьма уверенно.

Синтара повернула голову. Она настолько сосредоточилась на Меркоре, что забыла о присутствии остальных драконов, не говоря уже о людях. Несколько юных Старших прервали работу, чтобы посмотреть на ее прибытие, но Элис не стала отвлекаться от дела.

Она тщательно обрабатывала рваную рану на морде Балипера: бережно стирала всю грязь и кровь, полоща тряпицу в ведре, стоявшем у ее ног. Глаза у Балипера были закрыты.

Синтара язвительно поинтересовалась:

– Значит, теперь ты хранительница Балипера? Надеешься, что он выберет тебя Старшей? Подарит тебе лучшую жизнь?

Элис бросила на драконицу косой взгляд и опять вернулась к своему занятию.

– Нет, – коротко сказала она.

– Мой хранитель Варкен умер. Я не желаю другого. – Балипер говорил глубоко безразличным голосом.

Элис замерла. Она прижала ладонь к сильной шее алого дракона. А потом наклонилась, сполоснула тряпицу и в очередной раз принялась промывать рану.

– Я понимаю, – негромко и сочувственно пробормотала она. И обратилась к Синтаре в точности тем же тоном, что и Меркор: – Зачем ты сюда прилетела?

Вопрос Элис вызвал у драконицы раздражение – и не только из-за того, что простая смертная посмела задать ей его, но и потому что Синтара сама не знала ответа. Действительно, почему она вернулась? Драконам несвойственно искать общества сородичей или людей. Она мгновение смотрела на Кельсингру, вспоминая, с какой целью этот город создали Старшие. Ну конечно, чтобы завлечь туда драконов. Чтобы предложить им приятные излишества, какие можно найти только в построенном людьми городе.

Некое давнее высказывание Меркора вторглось в ее мысли. Они тогда обсуждали Старших. Синтара попыталась в точности вспомнить его слова, но у нее не получилось. В голове застряло лишь то, что люди меняют драконов так же сильно, как и сами драконы меняют людей. По крайней мере, Меркор так утверждал.

Подобная идея представлялась Синтаре абсурдной и унижительной. Неужели долгое общение с хранителями и впрямь внушило ей потребность оставаться в компании? Ее кровь забурлила

по жилам, и тело встrepенулось. Все ясно! Внезапно она ощутила, как по чешуе прошла цветная волна, выдавая ее чувства.

– Синтара! Так для твоего визита есть причина? – насмешливо спросил Меркор, приблизившись к ней.

– Я лечу, куда мне захочется. Сегодня мне вздумалось навестить вас. У меня просто возникло желание посмотреть, что стало с самцами-драконами.

И тут раздался какой-то подозрительный звук. Может, Элис фыркнула? Синтара резко обернулась к рыжеволосой женщине, но та, казалось, была целиком поглощена обработкой раны на морде у Балипера. Тогда Синтара уставилась на Меркора, который аккуратно складывал крылья. Кало наблюдал за ними обоими с интересом. Как и Плевок. Когда она посмотрела на серебряного самца, тот вскочил на задние лапы и раскинул свои роскошные крылья на всю ширину. Карсон стоял между ними, и вид у него был встревоженный.

– При чем здесь Меркор? – неожиданно протрубил серебряный дракон, маленький и злобный. – Это вполне могу быть и я!

Синтара воззрилась на него и почувствовала, как в горле у нее набухают пазухи с ядом. Он захлопал крыльями, гоня на нее свой мускус гадкой струей. Драконица затрясла головой, выдувая из ноздрей эту вонь.

– Нет! Никогда! – рявкнула она на него.

– А чем я плох? – возразил он, делая шаг в ее сторону.

Глаза Кало начали гневно вращаться.

– Плевок! – предостерегающе прорычал Карсон, но серебряный самец не остановился.

Кало поднял когтистую лапу и демонстративно поставил ее наглицу на хвост. Плевок возмущенно завопил и рванулся на значительно превосходящего его ростом собрата. Он широко открыл пасть, показав свои ядовитые железы, алые и вздувшиеся. Кало протрубил вызов и распахнул крыло, отбрасывая меньшего дракона в сторону. Карсон с проклятьями отпрыгнул, чтобы не оказаться раздавленным.

Кало не обратил внимания на воцарившийся позади него хаос.

– Я полечу на вызов! – объявил черно-синий дракон.

Он посмотрел на Синтару. Она услышала далекий клич и заметила, что высоко над ними кружит Фенте. Маленькая зеленая королева!

Жаркий взгляд Кало затопил ее тело, и внезапно в ней осталась только злость, ярость на них всех – тупых, бесполезных, неспособных подняться в воздух самцов. Волны цвета заиграли на ее чешуйчатой коже.

– Ты полетишь на вызов? – взревела Синтара, обращаясь ко всем самцам. – Неужели? Да ведь никто из вас не летает! Я в очередной раз убедилась в этом сама! Целое племя драконов, прикованных к земле, будто коровы! И вы столь же бесполезны для королевы, как скелет давным-давно съеденной добычи.

– Ранкулос научился летать. И Сестикан тоже, – безжалостно напомнила ей Элис. – Уже два самца. Другое дело, что они, возможно, не те, кого ты хочешь...

Оскорбление было столь велико, что Синтара, не сдержавшись, плюнула в женщину ядом. Точно посланный шар отравы шлепнулся на землю в нескольких дюймах от Элис. Балипер вскочил: его глаза завращались, рассыпая искры. Когда он ринулся в атаку, Элис с криком метнулась прочь. Один из шипов на его раскинутых крыльях едва не вонзился в нее. Синтара напружинила тело и приготовилась к бою, но иссиня-черный Кало перехватил Балипера. Два самца схлестнулись друг с другом, делая выпады, разевая пасти и нанося удары шипастыми крыльями. Хранители закричали. Некоторые обратились в бегство, другие кинулись к сражающимся.

Синтара смогла насладиться зрелищем всего мгновение, а потом Меркор сбил ее на землю. Несмотря на худобу, он был крупнее ее. Она растянулась на траве, а самец встал над нею на дыбы – и драконица поняла, что сейчас он оросит ее ядом. Однако он опустил на синюю королеву почти мягко, но так, что его тяжелые передние лапы прижали ее крылья к камням и больно придавили гибкие кости.

Возмущенная Синтара уже собралась плюнуть в него кислотой. Меркор пригнул голову, широко распахнув пасть, чтобы она увидела его набухшие ядом пазухи.

– Не смей! – зашипел он. Приказ сопровождался тончайшей взвесью золотистой кислоты.

Обжигающий ядовитый поцелуй охватил ее голову, и Синтара поспешно отвела морду в сторону.

Меркор пророкотал вслух, чтобы его слышали другие, но при этом с силой впечатывая свои слова в сознание Синтары:

– Тебе не терпится, прекрасная королева. И это понятно. Еще немного – и я полечу. И я тобой овладею.

И поднялся на задние лапы, освобождая ее крылья. Синтара неловко поднялась: грязная, с ноющими мышцами. Прижав крылья к телу, драконица попятилась.

Схватка Балипера и Кало была короткой. Они уже отошли друг от друга, храпя и принимая угрожающие позы. Плевков насмешливо резвился на безопасном расстоянии от крупных самцов, иногда плюясь ядом. Взволнованные хранители криками предостерегали остальных. Синтара поймала на себе взгляд Элис: глаза ее были тревожно распахнуты. Когда она уставилась на женщину, та инстинктивно подняла руки и закрыла ими лицо. Это только сильнее разозлило Синтару. Она сделала мишенью своего гнева Меркора.

– Не угрожай мне, наглец!

Он покосился на нее. Крылья его были наполовину раскрыты, чтобы отвесить синей драконице оглушительный удар, если она вдруг ринется на него. Он мысленно ответил ей:

Это не угроза, Синтара, а простое обещание.

Когда Меркор сложил крылья, она снова ощутила аромат его тела. И почувствовала, что ее чешуя ярко вспыхнула в ответ, но это произошло произвольно: да, королеве нужен самец, против природы не пойдешь. Огромный дракон прекрасно это понимал, и глаза его лукаво вращались.